Мансур Кильдеев

Уровень мусульманской религиозности населения в Среднем Поволжье и Приуралье по данным советских социологических исследований (1966–1991)

Mansour Kildeyev

The Level of Muslim Religiosity in the Middle Volga and Ural Regions According to Soviet Sociological Surveys (1966–1991)

Mansour Kildeyev — Leading Researcher, Scientific Center for Safety Research (Kazan, Russia). tegel76@yahoo. de

This article explores the methods and results of the research of Muslim religiosity in the Middle Volga and Ural regions in the late Soviet Union. The article draws upon the sociological surveys conducted in 1966–1991. These surveys revealed some interesting trends that did not correspond to ideological objectives and expectations. The article also demonstrates regional specifics of the Soviet sociological school and its relationship with the ideological authorities. The surveys of religiosity of the Soviet population were, in a sense, a vote of confidence to the official ideology.

Keywords: religiosity, Islam in the USSR, atheism, atheistic education, social surveys, the Council for Religious Affairs.

Основной функцией социологических исследований по вопросам религии и атеизма в СССР, как теперь и в России, являлось изучение уровня религиозности, то есть установление соотношения в обществе между носителями религиозного и нерелигиозного сознания. В СССР вплоть до конца 1980-х гг. социологические исследования религиозности насе-

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-03-18003).

ления проводились не специализированными социологическими институтами, а Институтом научного атеизма при Академии общественных наук при ЦК КПСС — высшим партийным учебным заведением. Результаты не доходили до научной общественности, так как публиковались не в научных журналах, а в закрытых бюллетенях.

Применение методов выборочного социологического исследования стало альтернативой ведомственному учету сведений, связанных с деятельностью действующих в соответствии с законом религиозных обществ. Сбор информации об уровне религиозности населения («систематическое изучение религиозной обстановки в населенных пунктах») входил в задачи учрежденных в 1960–1961 гг. комиссий по контролю за соблюдением законодательства о культах при местных органах власти[1]. Однако местные (городские, районные, сельские) советы были заинтересованы в том, чтобы, во-первых, жестко администрировать действующие на их территории религиозные общества и организации, и, во-вторых, искусственно занижать показатели религиозности населения. Так, в 1975 году районный комитет КПСС Абзелиловского района Башкирской АССР отчитывался перед областным комитетом о проведенной в каждом населенном пункте работе по выявлению степени религиозности цифрой «до 2%» верующих от всего населения[2]. Можно было бы принять на веру эту информацию. Но всего лишь годом ранее закончилось исследование, проведенное в районе учеными из Уфы (с итогами которого, по всей видимости, районное руководство еще не было знакомо). Ими был выявлен уровень религиозности на порядок выше, чем заявлено в информации райкома. Повышенная религиозность, равно как и активность незарегистрированных религиозных организаций, вовлечение в их деятельность несовершеннолетних, могла быть расценена как «эксцесс» в сфере атеистического воспитания и стать предметом тщательных разбирательств директивными органами на самом высоком уровне[3]. Отсюда высокая

1. *Серова Е. А.* Деятельность комиссий по контролю за соблюдением законодательства о культах (на примере общин Евангельских христиан-баптистов Кемеровской области) // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сб. материалов IV региональной молодежной научной конференции/Институт истории СО РАН. Новосибирск, 2010. С. 228.
2. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 189. Л. 2.
3. Так, деятельность немецкой баптистской общины в Давлекановском районе БАССР получила всесоюзный резонанс. Сам район долгое время оставался

конъюнктурность сведений, поступавших по линии местных советских органов.

Сбор конфессиональной статистики координировали уполномоченные Совета по делам религий Совета министров СССР, имевшие широкие полномочия по контролю над религиозными объединениями. По нашим наблюдениям, на региональном уровне применение собираемых данных ограничивалось передачей статистических справок и отчетов в более высокие инстанции. Их более или менее рациональное применение, в том числе научная систематизация и социологический анализ, который устанавливал бы соотношение между факторами религиозного сознания и религиозного поведения, являлось скорее исключением. Так, на основании собираемых комиссиями сведений уполномоченный Совета по делам религий по Пензенской области С. Горбачев составил социологическую типологию населенных пунктов по уровню религиозности (по состоянию на середину 1960-х гг.), которая не потеряла актуальности по сей день. Им же были произведены расчеты количества верующих мусульман в Пензенской области[4], во многом подтверждаемые последующими социологическим опросами[5].

Рядовые исследователи (социологи, философы, обществоведы) не имели доступа к справкам и отчетам, которые, как правило, находились под грифом «для служебного пользования» или «секретно». В работе многих уполномоченных Совета по делам религий во взаимоотношениях с религиозными организациями и обществами в ущерб научно-аналитическим преобладали административные функции. Так, уполномоченные органы в Башкирской АССР не ограничивались надзорной функцией для выявления «нарушений законодательства о культах» со стороны духовенства, постоянно вмешиваясь в работу Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири[6].

на контроле ЦК КПСС как «неблагополучный» в религиозном отношении. См. Постановление ЦК КПСС «О состоянии атеистического воспитания населения в Давлекановском районе» от 31.1.1978.

4. Свыше 20 000, то есть примерно треть от татарского населения по состоянию на 1959 год.

5. *Королев А. А.* Власть и мусульмане Среднего Поволжья: эволюция взаимоотношений. 1945–2000 гг. Дисс. ... док. ист. наук. Специальность 07.00.02. Москва, 2008. С. 71, 72.

6. В плане работы аппарата уполномоченного Совета по делам религии по Башкирской АССР на 1975 год основными задачами значатся: «а) провести пленум Духовного управления, избрать нового муфтия» и «б) удалить из духовного управ-

Социологическое изучение уровня религиозности советского народа стало возможным в середине 1960-х гг. с появлением достаточной эмпирической базы в виде результатов конкретно-социологических исследований. Согласно ряду источников, масштабное выборочное изучение взрослого населения г. Казани в 1966 году стало первым репрезентативным исследованием религиозности населения в стране[7]. Однако результаты социологического исследования в Казани были опубликованы только в 1968 году[8]. Этому предшествовал доклад в ЦК КПСС и в Отделении философии и права Академии наук об итогах исследования, проведенного Институтом научного атеизма в Пензенской области в 1967–1968 гг. на тему «Процесс секуляризации в условиях социалистического общества». Сообщение имело значительный резонанс, поскольку выявило значительные изъяны в картине, создаваемой официальной пропагандой. Развязавшаяся следом дискуссия открыла путь для последующих масштабных исследований[9]. Исследования были продолжены в Марийской АССР (1973 и 1986), в Башкирской АССР (1973–1974), в Куйбышевской (1969–1971), Горьковской (1972 и 1982) областях, повторно в Пензенской области (1972–1977) и в Татарской АССР (1987).

Социологическое изучение мусульманской религиозности в республиках и областях Урало-Поволжья осуществлялось на материале статистически значимых выборок мусульманского населения. Исследования различались по типу объекта и по научным целям. Наш интерес к ним заключается в том, что социологи замеряли уровень религиозности в разрезе социально-демографической, социально-профессиональной, этносоциальной структуры общества. Данная информация, с одной стороны, демонстрирует количественную сторону процесса секуляризации (отхода от религии), а с другой — тенденцию сохранения и поддержания этноконфессиональных традиций.

ления нелояльные элементы <*перечисляются фамилии*. — М. К. >, заменив их более пригодными работниками». См.: ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 189. Д. 342. Л. 264.

7. *Абдуллин Я. Г., Абилов Ш. Ш., Балтанов Р. Г.* и др. Словарь-справочник об исламе и атеизме (на тат. яз.). Казань: Татарское книжное издательство, 1981.

8. Опыт конкретно-социологического изучения состояния религиозного населения г. Казани // Информационный бюллетень ИНА АОН при ЦК КПСС. 1968. № 1.

9. *Лопаткин Р. А.* Социология религии в России: опыт прошлого и современные проблемы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2001. № 4. С. 266–272.

Попробуем представить на примере региона тенденции, которые были выявлены на протяжении 1960–1980-х гг. и которые не согласовались с «фасадом», конструируемым идеологическими органами, исходя из которого определялись цели и гипотезы социологических исследований.

Тезис 1. Религиозность населения выше в сельской местности в силу консервативности традиций и обычаев, переплетенных с религиозными пережитками.

В целях углубления полученных путем выборочного изучения результатов исследований в г. Казань была проведена серия новых исследований с целью изучения религиозности населения в сельской местности и в малых городах. Обследования на селе показали, что в местностях с татарским населением уровень мусульманской религиозности и обрядности был ненамного выше, чем в столице республики. Так, в 1967 году, при сплошном обследовании населения татарской деревни Верхний Нурлат Октябрьского района ТАССР верующими признали себя 34,5% опрошенных, в этнически смешанном поселке имени Мичурина Лениногорского района — 33,9% проживающих там татар[10]. Эти цифры не столь разительно отличаются от цифр религиозности татарского населения г. Казань (25,8%). В 1987 году было проведено выборочное исследование среди татарского населения г. Казань и Арского района республики. Выяснилось, что среди татар Казани доля верующих составила 30% (увеличившись, таким образом, за два десятилетия на 4 пункта), а в Арском районе — 34,3%. Разница между крупным городом и сельским районом на этот раз также оказалась небольшой[11].

Тезис 2. В условиях социалистического общества и образа жизни более высокая религиозность сохраняется у населения, в наибольшей степени сохранившего национальные традиции, «замешенные» на религии.

Исследование 1966 года в Казани показало, что уровень религиозности среди мусульманского (татарского) населения действительно выше, чем у православного (русского). Среди русского населения верующие составили 19%, среди татар — 25,8%. Среди верующих татар зафиксирован меньший разрыв между числен-

10. *Балтанов Р. Г.* Социологические проблемы в системе научно-атеистического воспитания. Казань, 1973. С. 33.

11. *Браславский Л. Ю.* Ислам в Чувашии. Исторические и культурологические аспекты. Чебоксары, 1997.

ностью женщин и мужчин, чем у православных верующих. Так, верующих-татарок было в 1,5 раза больше, чем верующих-татар, а у русских по той же выборке соотношение было 1:3[12].

По данным других социологических исследований, проведенных в 1960–1980-х гг., было установлено, что татары за пределами Татарстана и Башкирии были религиознее своих соплеменников из обоих «мусульманских» автономий Поволжья и в целом более религиозны, чем другие народы, проживающие в этих регионах. В Пензенской области в 1968 году верующими были 48,4% татар (в среднем по области верующих — 28,4%)[13], в Горьковской области в 1972 году — около 50% татар (по области — 27,2%)[14], в Марийской АССР в 1973 году верующими были 45,7% татар[15] (по республике — 27,1%), в Мордовской АССР — 39% татар в 1985–86 гг. (у остальных народов края — от 11,6 до 26,6%)[16]. В указанных регионах татарское население является национальным меньшинством и в изучаемый период не превышало 5–6% от общей численности населения. Впервые данная тенденция была выявлена Г. В. Старовойтовой на косвенных социологических данных[17].

Однако данная тенденция не является универсальной. В сельской местности юго-востока Башкирской АССР уровень религиозности у башкир и татар оказался ниже, чем в среднем по району у соседних немусульманских народов. Об этом свидетельствуют результаты единственного известного нам масштабного исследования в республике с привлечением квалифицированных научных кадров, которое было осуществлено кафедрой марксистско-ленинской философии и научного коммунизма Башкир-

12. *Арутюнян Ю. В.* (отв. ред.). Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований. По материалам Татарской АССР. М., 1972. С. 138.

13. *Королев А. А.* Власть и мусульмане Среднего Поволжья. С. 200.

14. Ислам в СССР. М.: Мысль, 1983; *Гараджа В. И.* Социология религии. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 235.

15. *Шабыков В. И.* Религиозное сознание татарского населения Республики Марий Эл (на материале социологического исследования) // Галиаскар Камал: 125 лет со дня рождения и 125 лет в новейшей истории культуры и искусства тюрко-мусульманских народов России. Сборник материалов Всероссийской научной конференции. М., 2005.

16. *Мокшина Е. Н.* Об уровне религиозности мордвы в период «развитого социализма» // Межконфессиональные отношения в центре Евразии, на примере Волго-Уральского региона (XVIII–XXI вв.)/Под ред. С. Дюдуаньона, К. Ле Торривеллека, О. Сенюткиной. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 2012.

17. *Старовойтова Г. В.* Этническая группа в современном советском городе. Ленинград, 1987. С. 119.

ского сельхозинститута в 1970–1974 гг. в совхозах «целинного» Хайбуллинского района. Сплошное исследование охватило тогда взрослое (в возрасте 17 лет и старше) население четырех многонациональных по составу населения совхозов: всего свыше 3 тысяч человек. По отдельной программе опрашивалось работающее и неработающее население[18]. Выяснилось, что среди работающего населения верующие составили 17,5%, среди незанятого населения — 28%. Среди башкир и татар (экономически активное население) процент верующих составил 16%, что ниже, чем в среднем по району (табл. 1).

Если принять во внимание результаты данного исследования, то следует признать, что уровень мусульманской религиозности в советские времена в пределах Среднего Поволжья и Приуралья в целом был действительно выше среднего, но имел свои региональные особенности и, по всей видимости, имел тенденцию убывать по мере увеличения концентрации самого мусульманского населения.

Таблица 1. К числу каких людей по отношению к религии и атеизму Вы себя причисляете? (экономически активное население), Абзелиловский р-н БАССР, 1974

	Всего (чел.)	из них ответили (чел.)	не ответили (чел.)	являюсь атеистом (%)	считаю себя неверующим (%)	безразлично отношусь к религии и атеизму (%)	испытываю колебания (%)	считаю себя верующим (%)
Опрошено	2068	1953	115	6,5	50,2	24,1	8,2	9,3
Из них башкир и татар	995	980	15	7,2	54,6	23	8,1	7,9

Тезис 3. Уровень религиозности выше там, где сильно влияние духовенств и где действуют зарегистрированные религиозные общины.

18. *Хамитова Р.* Основы дифференцированного подхода в атеистической работе // Атеисты за работой. Уфа, 1975. С. 133–143.

Для проверки данного тезиса воспользуемся данными упомянутого выше исследования в сельской местности ТАССР. В одной из деревень, в Верхнем Нурлате, на момент обследования действовала одна из одиннадцати зарегистрированных в Татарской АССР мечетей, а в другой, в Мичурине, мечети не было. Кроме того, первый населенный пункт был мононациональным татарским, а во втором проживало этнически разнородное население. При этом уровень мусульманской религиозности в обоих населенных пунктах оказался практически одинаковым. Если продолжить сравнение с данными исследования 1987 года, то важно отметить, что казанские верующие более строго, чем сельские жители, соблюдали Уразу (мусульманский пост) и чаще читали намаз. Так, обязательную для мусульман пятикратную молитву в Казани ежедневно читали 4%, а в Арском районе, где не было мечетей и мусульманского духовенства, — один процент от всех опрошенных[19]. По всей видимости, влияние «официального» духовенства не распространялось дальше общины верующих, и его проповеди отражались в основном на тщательности исполнения религиозных предписаний.

Тезис 4. Процесс отмирания религии и церкви при социализме есть закономерное следствие общественного развития.

Даже при неизменной для социологического изучения религии констатации факта, что большинство советских верующих находится в преклонном возрасте, нельзя было игнорировать тот факт, что от поколения к поколению доля верующих среди лиц пенсионного возраста нисколько не уменьшалась. Кроме того, в ряде случаев выявляется значительная (свыше 10%) доля молодежи среди верующих.

В советской социологии религии важное место занимали исследования общественного мнения по вопросам религии и атеизма среди молодежи. Среди исследований раннего периода нам известно об исследовании взглядов татарской молодежи в Горьковской области РСФСР (1973). Опросом было охвачено 355 татар из числа выпускников татарских средних школ шести татарских сел, молодых рабочих промышленных предприятий и студентов вузов г. Горький. Предметом исследования стало отношение молодежи к мусульманской религии. На вопрос: «Что дает религия людям?» — 159 человек (44,7%) дали ответ, что религия приносит вред, в том числе 93 человека (26,2%) ответили, что ислам

19. ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. Д. 934. С. 9.

также приносит вред; вред приносят другие религии, а ислам вреда не приносит — 34 чел. (9,6%); ислам, как и другие религии, не приносит ни вреда, ни пользы — 41 чел. (11,5%); ислам полезен — 13 чел. (3,7%); не задумывались над этим вопросом — 98 чел. (27,5%). Таким образом, вопреки атеистическому воспитанию, 13,4% опрошенных молодых людей более или менее позитивно оценивали роль ислама в общественной жизни. Для сравнения, при опросе молодежи в масштабах всей области на вопрос: «Как вы относитесь к религии?» ответили, что религия приносит вред — 52,9%, «не задумывались» — 35,4%, не приносит ни вреда, ни пользы — 9,2%, приносит пользу — 0,9%. Автор статьи обходит стороной итоги вопроса об отношении к вере, но, исходя из приведенного в статье сравнения мнения религиозной и нерелигиозной молодежи, нетрудно понять, что среди молодежи выявлен немалый процент верующих[20].

В советское время в социологической литературе на тему религиозности допускалось цитирование только данных специализированных исследований, проводимых при участии Института научного атеизма; только их данные использовались для сравнения отдельных областей и республик[21].

Несмотря на их конъюнктурность, было бы преждевременным утверждение, что эти результаты «обслуживали» какие-либо заранее известные «контрольные» цифры. По крайней мере те исследователи, с которыми автор беседовал, категорически отрицают факты вмешательства «заказчика» (партийных органов) в исследовательский процесс и не допускают возможность дальнейшей фальсификации полученных ими результатов[22]. С другой стороны, имеют под собой основания утверждения о латентной, не выявленной социологами религиозности.

На наш взгляд, если искажение результатов и имело место, то вызвано оно было несовершенством методики. В какой бы форме ни были заданы анкетные вопросы о вероисповедании, они не могли считаться психологически нейтральными для респондента в силу того, что респондент не мог испытывать полного

20. *Орлов А.* О характере и структуре пережитков ислама (по материалам социологических исследований среди татарского населения Горьковской области) // Проблемы исследования структуры религиозного сознания. Горький, 1973. С. 76–93.

21. *Гараджа В. И.* Социология религии.

22. Из интервью с доцентом КГУ Ахметовой С. А., ранее — сотрудником лаборатории социологических исследований, участником исследований 1966–67 гг. Дата интервью — 23 октября 2013 г.

доверия к процедуре опроса, а именно — к сохранению анонимности его ответа. Как известно, даже охраняемая законом информация о проведении свадебных или родильных религиозных обрядов, передаваемая религиозными организациями в финансовые органы, легко оттуда «утекала», попадая в первичные партийные или комсомольские ячейки[23], в чем верующие могли убедиться на личном опыте или узнать по собственным каналам коммуникации. О масштабах предполагаемых искажений, вызванных недоверием к процедуре опроса, говорят результаты методического эксперимента этносоциологов Академии наук СССР, проводивших свое исследование в Татарской АССР в 1967 году. Они выясняли влияние национальности интервьюера на ответы респондентов-татар. Наибольшая зависимость была выявлена именно для вопросов об отношении к религии, «национальным» обрядам и праздникам (а также о языке обучения в школе). Так, положительный ответ на вопрос о праздновании мусульманских религиозных праздников дали 34% респондентов, когда их опрашивал интервьюер русской национальности («чужой»), и 44% — когда интервьюер был татарской национальности («свой»)[24]. В исследованиях Института научного атеизма проверка честности ответов респондента не предусматривалась и не могла быть перепроверена другими методами.

Сбор сведений об отношении к религии и атеизму в качестве одной из социологических переменных входил в программу многих исследований, проводимых ведущими социологическими институтами. Определенную конкуренцию Институту научного атеизма здесь составляли этносоциологические исследования, которые рассматривали уровень религиозности («религиозные пережитки») в качестве элемента межнациональных отношений. Упомянутое выше масштабное исследование было проведено в Татарской АССР сектором конкретно-социологических исследований Института этнографии АН СССР. Было опрошено свыше 10 тысяч жителей по городской и сельской выборке. Интересующие нас данные о мусульманской религиозности приведены по косвенным показателям: отмечание религиозных праздни-

23. *Михалев И. А.* О некоторых, наиболее актуальных вопросах контроля за культами (1970). НА РТ. Ф. 873, Оп. 1. Д. 41. Л. 165–167.

24. Методы сбора информации в социологических исследованиях. Кн. 1. М.: Наука, 1990. С. 63.

ков и участие в религиозных обрядах[25]. В отчетных публикациях приводятся отличия во мнениях религиозного и нерелигиозного населения, однако характеристики этих двух подвыборок не сравниваются. Сейчас эти цифры известны, так как они были опубликованы спустя 25 лет местными этнологами[26]. Как выясняется, среди татар было выявлено 17,9% верующих, колеблющихся — 19,7%, индифферентных — 46,6%, атеистов — 15,8%.

Несмотря на то что выборочное изучение общественного мнения по проблемам религии и атеизма проводилось почти в каждом регионе СССР, исследование картины в масштабах всей страны ни разу не было реализовано. Руководитель лаборатории социологических исследований Казанского университета Р. Балтанов писал по этому поводу, что «получение картины религиозности населения во всесоюзном масштабе — задача громадной практической сложности»[27]. В советской социологии религии при выборе объектов исследования предпочтение отдавалось типическим, с точки зрения конфессионального состава населения, административным единицам: областям и республикам, районам и населенным пунктам. При изучении религиозности сельского населения практиковались экспедиции.

Установки исследователей относительно объема выборочной совокупности в указанный период эволюционировали. Упомянутые выше первые исследования в Казани и в Пензенской области в середине 1960-х гг. были проведены на однопроцентной выборке, а исследования в сельской местности ТАССР и БАССР охватывали взрослое население изучаемых населенных пунктов целиком. В 1987 году в Казани выборочная совокупность ограничивалась статистически минимальной величиной 500 единиц (при допущении, что с вероятностью 0,954 генеральная средняя попадает в интервал 5%).

Достаточно принципиальной была разница в объемах выборки и в методике отбора единиц исследования у этносоциологов и социологов-религиоведов: в 1985–1986 гг. отдел этнографии Научно-исследовательского института языка, литературы и экономики (НИИЯЛиЭ) и Мордовский госуниверситет им. Н. П. Ога-

25. Там же. С. 135–138.

26. *Мусина Р. Н.* К вопросу о месте и роли религии в жизни современных татар // Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Выпуск I. Казань, 1992. С. 52–64.

27. *Балтанов Р. Г.* Социологические проблемы. С. 65.

рева проводили опрос среди 2 тысяч жителей Мордовской АССР по республиканской выборке в 45 населенных пунктах[28].

Несмотря на различие подходов и методик, исследования вопросов религиозности и атеизма в регионе Урало-Поволжья проводились на высоком научно-методическом уровне. Монополизм одного научного учреждения по-своему ограждал область исследований от имитаторов научной деятельности и позволял поддерживать необходимый для сравнительного анализа высокий научно-методический уровень. Когда со второй половины 1980-х гг. в социологические исследования религиозности включились другие структуры, начиная от идеологических отделов горкомов и заканчивая самодеятельными социологическими фондами, методический уровень резко пошел вниз. Характерно, что при опросе работников предприятий Орджоникидзевского района г. Уфы в 1988 году верующих выявлено всего 3,5–4%[29]. Особо отмечалось, это прежде всего женщины, занятые «тяжелым неквалифицированным трудом»[30]. Не стоит искать каких-либо иных причин для столь неправдоподобного результата, кроме сознательного стремления подвести результаты исследования под заранее известную контрольную цифру.

Использование и интерпретация социологических данных редко когда были направлены на выявление актуальных проблем и ограничивались иллюстрированием пропагандистских штампов. Основной пафос заключался в подчеркивании секуляризационных тенденций («отмирание религии») как позитивных моментов социальной динамики. Даже относительно высокий уровень религиозности мусульманских народов преподносился в виде «более медленных темпов отхода от религии»[31]. Выявляемые религиозные «эксцессы» оборачивались мерами по усилению системы атеистического политпросвещения[32]. Зависимость

28. *Мокшина Е. Н.* Об уровне религиозности мордвы в период «развитого социализма».

29. Для сравнения, при аналогичном исследовании на предприятиях г. Казань, проведенном идеологическим отделом городского комитета КПСС в 1987 году, верующими себя признали 17% опрошенных. См.: ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. Д. 1626. С. 13.

30. *Штейнгарт Р.* К атеизму по-новому. // Вечерняя Уфа. 1988. 2 ноября.

31. *Арутюнян Ю.В.* (отв. ред.). Социальное и национальное. С. 136.

32. «Об итогах социологического исследования религиозности населения города и задачах по дальнейшему улучшению атеистической работы»: Постановление бюро ГК КПСС г. Казани от 15 мая 1967 г. // Там же. Ф. 15. Оп. 7. № 694. Л. 218.

от идеологического представления о религии как об объекте атеистической пропаганды сильно ограничивала познавательные возможности социологического изучения религиозности.

В стремлении подчеркнуть пережиточный характер религии, ее негативную роль в духовном развитии личности выпячивались отдельные социологические показатели. Так, секретарь Башкирского обкома по идеологии Т. Ахунзянов, выступая на конференции с докладом о состоянии научно-атеистического воспитания в республике, делал упор на низком социально-профессиональном статусе и образовательном уровне верующих мусульман. По его сведениям, 86,6% верующих имеют образование в объеме 2–4 классов, 7,8% — семилетнее, 0,9% — среднее и только 0,3% получили незаконченное высшее образование, 4,4% — не учились совсем[33]. Из другого доклада того же чиновника можно сделать вывод, что основным итогом исследования в Абзелиловском районе стало то, что среди верующих преобладают люди определенных специальностей: например, среди них много телятниц, скотников, чабанов и доярок, но мало водителей и трактористов[34].

Среди важных итогов исследований, помимо нахождения статистического распределения населения по отношению к религии, была его эмпирическая типологизация и классификация. Типология верующих являлась одной из наиболее острых теоретических проблем советской социологии религии[35]. Тем не менее в прикладных исследованиях вопрос о том, куда следует относить колеблющееся в вопросах веры население, всегда решался в пользу их отнесения к категории верующих. В исследовании, проведенном в Абзелиловском районе БАССР, исходя из отношения к религии, была применена типология, по которой население делилось на 5 групп: верующих, колеблющихся, безразличных (индифферентных), неверующих и атеистов. Группы 1 и 2 составляют религиозное население, а 3 и 4 — нерелигиозное. Вычисление показывает, что среди верующего населения указанного района колеблющихся между верой и неверием было 46,9%, среди башкир и татар — 50,6%. Среди неработающего населения процент колеблющихся гораздо ниже — около 28,6%. Типология и клас-

33. *Ахунзянов Т. А.* Знать причины // Атеистическое воспитание в современных условиях. Уфа, 1976. С. 8.

34. Атеисты за работой. Из опыта работы по атеистическому воспитанию трудящихся в Башкирской АССР. Уфа, 1975. С. 6.

35. *Смирнов М. Ю.* Современная российская социология религии: откуда и зачем? // Религиоведение. 2007. № 2. С. 154–164.

сификация считались предпосылкой дифференцированного подхода в отношении разных групп верующего населения в зависимости от возраста, профессии, образования, пола, социальной или национальной принадлежности и вероисповедания. Т. Ахунзянов предлагает разные подходы по отношению к фанатичным верующим, верующим, терпимым к атеизму, колеблющимся, а также тем, кто использует религию в своих корыстных целях (знахари, бродячие муллы, сектантские проповедники)[36].

На примере исследований в областях и республиках Поволжья и Приуралья следует сделать вывод, что в 1960–1970-е гг. исследования были направлены преимущественно на выявление и преодоление обрядово-бытовых проявлений религиозности. Как известно, «отправление культов» было единственным видом разрешенной религиозной деятельности, вся остальная религиозная деятельность — образовательная, миссионерская, катехизаторская, благотворительная, организационная — была законодательно запрещена. Исследователей интересовало преимущественно участие в религиозных обрядах на фоне массового внедрения им на замену новых «советских обрядов».

В 1980-е гг. исследователи перешли от изучения уровня «фоновой» мусульманской религиозности к изучению ее роли в социально-политических процессах в обществе. В 1986 году на 18 официально действовавших в ТАССР мечетей приходилось свыше 800 действовавших в неформальном порядке религиозных групп мусульман[37]. В связи с усилением исламского фактора на международной арене политическое руководство страны было обеспокоено неподконтрольной властям мусульманской религиозностью в стране[38]. Если ранее мусульманская религиозность изучалась на материалах статистически значимых подвыборок, то в 1987 году в ТАССР изучению подверглось исключительно татарское (мусульманское) население одного из районов г. Казани и пригородного Арского района. Исследователи, помимо

36. *Ахунзянов Т. А.* Знать причины. С. 9,10.

37. ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 14. № 403. Л. 83.

38. См. секретное постановление ЦК КПСС от 18 августа 1986 г. «Об усилении борьбы с влиянием ислама» и предшествовавшее ему постановление ЦК КПСС от 21 октября 1985 года «О дополнительных мероприятиях в связи с активизацией в странах Азии и Африки „воинствующего ислама“». — О работе Татарской областной партийной организации по атеистическому воспитанию, преодолению пережитков ислама среди трудящихся и населения. ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 14. № 403. Л. 39.

собственно критериев религиозности, выявляли интерес респондентов к положению ислама за рубежом, отношение к зарубежным радиостанциям и религиозным радиопередачам, посвященным исламу. Основной целью московских ученых было, по всей видимости, выяснить, может ли мусульманская религиозность представлять собой почву для распространения радикальных религиозных идей и представлений[39]. Подобной связи исследование не выявило. Однако оно продемонстрировало — как и другие, в особенности проведенное ИНА в 1988 году исследование татарского населения отдаленного Октябрьского района ТАССР — такие тенденции, как омоложение состава верующих, проникновение религиозности в те слои населения, для которых показной атеизм еще недавно считался частью стиля жизни — комсомольскую молодежь, интеллигенцию и саму правящую партию. В некоторых районах республики ислам обладал едва ли не большим влиянием на население, чем коммунистическая партия[40]. Известно, что в годы «перестройки» идеологический отдел Татарского областного комитета КПСС не выносил ни один вопрос на рассмотрение бюро обкома без проведения должного социологического анализа[41]. Не вызывает сомнений, что результаты социологических исследований религиозности населения учитывались при реализации государственной политики, направленной на либерализацию отношений с конфессиями.

К сожалению, в научном обороте отсутствуют свидетельства, которые позволяли бы повторить подобные выводы в отношении соседних регионов Урало-Поволжья. Это следует связать с тем, что архивные фонды, которые представляли бы реакцию партийных и советских органов на итоги социологических исследований конца 1980-х гг., по-прежнему не рассекречены. Деловые отношения между социологической наукой и властью существовали не везде. Имеющиеся данные позволяют утверждать, например, что идеологические органы БАССР не испытывали большого доверия к данным социологических опросов и не опирались на них в своей работе. Так, в 1989 году ответственный за конфессиональную сферу чиновник на вопрос журналиста: «Сколько ве-

39. Подробнее см.: Состояние религиозности и атеистического воспитания в регионах традиционного распространения ислама: (Материалы социол. исслед.)/АОН при ЦК КПСС, ИНА, Сов. социол. ассоц. М.: АОН, 1989.

40. ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. № 933. Л. 58.

41. *Исаев Г.А., Юртаев А.Н.* Социологическая деятельность в Татарии. ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. Д. 918. Л. 3–19.

рующих в Башкирии?» — прямого ответа не дал, переадресовав его ученым-социологам[42].

В целом следует констатировать, что проблема социологического измерения мусульманской религиозности населения в советский период подробно изучена всего в двух-трех регионах Урало-Поволжья. В остальных известно только о самих фактах проведения исследований или имеется фрагментарная исследовательская информация. В силу этого, мои выводы основаны на небольшой совокупности исследовательских данных, и для большей точности требуется дополнение их более широким кругом данных ретроспективного и межрегионального характера.

Отличительной особенностью социологического изучения религии во времена СССР являлся монополизм со стороны одной академической структуры — Института научного атеизма; исходя из фундаментальных идеологических положений религия считалась пережитком на пути к обществу «массового атеизма». Поэтому в некотором смысле опросы религиозности, описанные в этой статье, становились своеобразным вотумом доверия официальной идеологии.

Тем не менее по крайней мере некоторые социологические исследования проводились в целом методологически точно и выявили ряд интересных и адекватных выводов о религиозности мусульманского населения республик и областей Поволжья и Приуралья, в частности:

— не прослеживался большой разрыв в религиозности городского и сельского населения;

— уровень мусульманской религиозности в советские времена в пределах Среднего Поволжья и Приуралья был выше среднего по стране и имел тенденцию к снижению по мере роста доли мусульманского населения в той или иной конкретной местности;

— присутствие официально действующего мусульманского духовенства не отражалось на общем уровне религиозности в данной местности.

В целом можно сделать вывод, что данные опросов опровергали тезис об «отмирании религии» и выявляли кризисное состояние системы научно-атеистического воспитания.

42. *Муратшин А.* Сколько верующих в Башкирии? На этот вопрос точно ответить нельзя, но... // Вечерняя Уфа. 1989. 16 октября.

Библиография/References

Архивные материалы

Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ).

Р-873. Совет по делам религий при Совете Министров ТАССР.

Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГАИПД РТ).

Ф. 15. Фонд Татарского обкома КПСС.

Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ).

Ф. 122. Фонд Башкирского обкома КПСС.

Ф. 10 317. Общество «Знание» Республики Башкортостан, г. Уфа.

Литература

Абдуллин Я. Г., Абилов Ш. Ш., Балтанов Р. Г. и др. Словарь-справочник об исламе и атеизме (на тат. яз.). Казань: Татарское книжное издательство, 1981.

Арутюнян Ю. В. (Отв. ред.). Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований. По материалам Татарской АССР. М., 1972.

Атеизм — в массы (на тат. яз). Казань, 1972.

Атеисты за работой. Из опыта работы по атеистическому воспитанию трудящихся в Башкирской АССР. Уфа, 1975.

Ахунзянов Т. А. Знать причины // Атеистическое воспитание в современных условиях. Уфа, 1976.

Балтанов Р. Г. Социологические проблемы в системе научно-атеистического воспитания. Казань, 1973.

Браславский Л. Ю. Ислам в Чувашии. Исторические и культурологические аспекты. Чебоксары, 1997.

Валитов О. К. (Сост.). Атеистическое воспитание в современных условиях. Уфа, 1976.

Гараджа В. И. Социология религии: Учеб. пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2005.

Ислам в СССР. М.: Мысль, 1983.

Ислам и мусульмане Южного Урала в историко-правовом пространстве России: Сборник законодательных актов, постановлений и распоряжений центральных и региональных органов власти и управления XX–XXI вв. Уфа, 2009.

Карамышев Х. Г. Атеистическое воспитание: опыт, проблемы (на баш. яз.). Уфа, 1984.

Королев А. А. Власть и мусульмане Среднего Поволжья: эволюция взаимоотношений. 1945–2000 гг. Дисс... док. ист. наук. Специальность 07.00.02. Москва, 2008.

Лопаткин Р. А. Социология религии в России: опыт прошлого и современные проблемы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 4. С. 266–272.

Методы сбора информации в социологических исследованиях. Кн. 1. М.: Наука, 1990.

Мокшина Е. Н. Об уровне религиозности мордвы в период «развитого социализма» // Межконфессиональные отношения в центре Евразии, на примере Волго-Уральского региона (XVIII–XXI вв.)/ Под ред. С. Дюдуаньона, К. Ле Торривеллека, О. Сенюткиной. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 2012.

Муратшин А. Сколько верующих в Башкирии? На этот вопрос точно ответить нельзя, но... // Вечерняя Уфа. 1989. 16 октября.

Мусина Р. Н. К вопросу о месте и роли религии в жизни современных татар // Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Выпуск I. Казань, 1992. С. 52–64.

Опыт конкретно-социологического изучения состояния религиозного населения г. Казани. // Информационный бюллетень ИНА АОН при ЦК КПСС. 1968. № 1.

Орлов А. О характере и структуре пережитков ислама (по материалам социологических исследований среди татарского населения Горьковской области) // Проблемы исследования структуры религиозного сознания. Горький, 1973. С. 76–93.

Серова Е. А. Деятельность комиссий по контролю за соблюдением законодательства о культах (на примере общин Евангельских христиан-баптистов Кемеровской области) // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сб. материалов IV региональной молодежной научной конференции // Институт истории СО РАН. Новосибирск, 2010.

Смирнов М. Ю. Современная российская социология религии: откуда и зачем? // Религиоведение. 2007. № 2. С. 154–164.

Состояние религиозности и атеистического воспитания в регионах традиционного распространения ислама: (Материалы социол. исслед.)/АОН при ЦК КПСС, ИНА, Сов. социол. ассоц. М.: АОН, 1989.

Старовойтова Г. В. Этническая группа в современном советском городе. Ленинград, 1987.

Хамитова Р. Основы дифференцированного подхода в атеистической работе // Атеисты за работой. Уфа, 1975. С. 133–143.

Шабыков В. И. Религиозное сознание татарского населения Республики Марий Эл (на материале социологического исследования) // Галиаскар Камал: 125 лет со дня рождения и 125 лет в новейшей истории культуры и искусства тюркомусульманских народов России. Сборник материалов Всероссийской научной конференции. М., 2005.

Шигаев Д. Г. Ислам раньше и теперь (на баш. яз.). Уфа, 1971.

Штейнгарт Р. К атеизму по-новому. // Вечерняя Уфа. 1988. 2 ноября.

Archival Materials

Central State Archive of Historical and Political Documentation of the Republic of Tatarstan.

F. 15. Fund of the Tatar Regional Committee of the Communist Party of the Soviet Union.

Central State Archive of Public Associations of the Republic of Bashkortostan.

F. 122. Fund of the Bashkir Regional Committee of the Communist Party of the Soviet Union.

F. 10 317. The «Znanie» Society of the Republic of Bashkortostan, Ufa.

National Archive of the Republic of Tatarstan.

R-873. The Council of the Religious Affairs, Council of Ministers of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic.

Literature

Abdullin, I. G., Abilov, Sh. Sh., Baltanov, P. G. et al. (1981) *Slovar' — spravochnik ob islame i ateizme* (na tat. iazyke) [A Dictionary and Reference Book on Islam and Atheism (in Tatar)]. Kazan: Tatar Book Publisher.

Akhunzianov, T. A. (1976) «Znat' prichiny» [To Know the Causes], *Ateisticheskoe vospitanie v sovremennykh usloviiakh* [Atheistic Education Today], p. 8. Ufa.

Arutiunyan, Yu. V. (ed.) (1972) *Sotsial'noe i natsional'noe. Opyt etnosotsdiologicheskikh issledovanii. Po materialam Tatarskoi* ASSR [The Social and the National. The Experience of Ethnosociological Studies. On the Materials of the Tatar ASSR]. Moscow.

Ateizm — v massy [Atheism — to the Masses. In Tatar]. (1972). Kazan.

Ateisty za rabotoi. Iz opyta raboty po ateisticheskomu vospitaniu trudiashchikhsia v Bashkirskoi ASSR [Atheists at Work. The Experience of the Atheistic Education of Workers in Bashkir AAR]. (1975). Ufa.

Baltanov, R. (1973) *Sotsiologicheskie problemy v sisteme nauchno-ateisticheskogo vospitania* [Sociological Problems in the System of Scientific Atheistic Education]. Kazan.

Braslavskii, L. (1997) *Islam v Chuvashii. Istoricheskie i kul'turologicheskie aspekty* [Islam in Chuvashia. Historical and Cultural Issues]. Cheboksary.

Garadzha, V. I. (2005) *Sotsiologiia religii: Ucheb. posobie dlia studentov i aspirantov gumanitarnykh spetsial'nostei*. 3-e izd., pererab. i dop. [The Sociology of Religion. A Textbook for Students in the Humanities. Third Revised Edition]. Moscow: INFRA-M.

Islam i musul'mane. Islam i musul'mane Iuzhnogo Urala v istoriko-pravovom pronstranstve Rossii: sbornik zakonodatel'nykh aktov, postanovlenii i rasporiazhenii tsentral'nykh i regional'nykh organov vlasti i upravlenia 20–21 vv. [Islam and Muslims of the Southern Urals in the Historical and Legal Landscape of Russia. A Collection of Legal Acts and Decrees of Central and Regional Authorities in 20-21st Centuries]. (2009). Ufa.

Islam v SSSR [Islam in the USSR]. (1983). Moscow: Mysl'.

Karamyshev, Kh. (1984). *Ateisticheskoe vospitanie: opyt, problemy* [Atheistic Education: Experience and Problems (in Bashkir)]. Ufa.

Korolev, A. A. (2008) *Vlast' i musul'mane Srednego Povolzh'ia: evoliutsiia vzaimootnoshenii. 1945–2000 gg*. Diss....dok.ist.nauk. Spetsial'nost' 07.00.02 [Power and Muslims in Middle Volga: a History of Relationships. A PhD Dissertation]. Moscow.

Lopatkin, R. (2010) «Issledovania problem religii v sovetskii period» [Studies of Religion in the Soviet Period], *Gosudarstvo, religia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 4: 266–272.

Metody sbora informatsii v sotsiologicheskikh issledovaniiakh [Methods of Gathering Information in Sociological Research]. (1990). Kn. 1. Moscow: Nauka.

Mokshina, E. N. (2012) «Ob urovne religioznosti mordvy v period 'razvitogo sotsializma'», in Duduan'ona, S., Le Torrivelleka, K. and Seniutkinoi, O. (eds) *Mezhkonfessional'nye otnosheniia v tsentre Evrazii, na primere Volgo-Ural'skogo regiona (*XVIII–XXI *vv.)* [«On the Level of Religiosity of Mordva People during the 'Developed Socialism'», in Dudoignong, S. et al. (eds) *Interconfessional Relations at the Center of Eurasia, the Case of Volga-Urals Region*, 18–21 cc.]. N. Novgorod: NGLU.

Muratshin, A. (16 October 1989) «Skol'ko veruiushchikh v Bashkirii? Na etot vopros tochno otvetit' nel'zia, no...» [How Many Believers in Bashkirii? The Question Cannot Be Answered, but...], *Vecherniaia Ufa*.

Musina, R. N. (1992) «K voprosu o meste i roli religii v zhizni sovremennykh tatar» [On the Role of Religion in the Life of Contemporary Tatar People], *Sovremennye natsional'nye protsessy v Respublike Tatarstan*. No. I, pp. 52–64. Kazan'.

Opyt konkretno-sotsiologicheskogo izucheniia sostoianiia religioznogo naseleniia g. Kazani [An Essay of Empirical Sociological Survey on Religious Population of Kazan City]. (1968), *Informatsionnyi biulleten'* INA AON *pri TsK* KPSS. No. 1.

Orlov, A. (1973) «O kharaktere i strukture perezhitkov islama (po materialam sotsiologicheskikh issledovanii sredi tatarskogo naseleniia Gor'kovskoi oblasti)» [On the Nature and Structure of the Muslim Left-Overs (on the Materials of Sociological Surveys among the Tatar Population of Gor'kii District)], in *Problemy issledovaniia struktury religioznogo soznaniia*, pp. 76–93. Gor'kii.

Serova, E. A. (2010) «Deiatel'nost' komissii po kontroliu za sobliudeniem zakonodatel'stva o kul'takh (na primere obshchin Evangel'skikh khristian-baptistov Kemerovskoi oblasti)» [The Activities of the Commission Controlling the Observance of the Legislation about the Cults (the Case of the Evangelical Baptist Christians of Kemerovo District)], in *Istoricheskie issledovaniia v Sibiri: problemy i perspektivy: Sb. materialov* IV *regional'noi molodezhnoi nauchnoi konferentsii/*Institut istorii SO RAN. Novosibirsk.

Smirnov, M. Iu. (2007) «Sovremennaia rossiiskaia sotsiologiia religii: otkuda i zachem?» [Contemporary Russian Sociology of Religion: Whence and Why?], *Religiovedenie* 2: 154–164.

Sostoianie religioznosti i ateisticheskogo vospitaniia v regionakh traditsionnogo rasprostraneniia islama: (Materialy sotsiol. issled.) [The State of Religiosity and Atheistic Education in the Traditionally Muslim Regions (A Sociological Survey)]. (1989). Moscow: AON pri TsK KPSS.

Starovoitova, G. V. (1987) *Etnicheskaia gruppa v sovremennom sovetskom gorode* [Ethnic Groups in Contemporary Russian Cities]. Leningrad.

Khamitova, R. (1975) «Osnovy differentsirovannogo podkhoda v ateisticheskoi rabote» [The Bases of a Differential Approach in Atheistic Work], in *Ateisty za rabotoi,* pp. 133–143. Ufa.

Shabykov, V. I. (2005) «Religioznoe soznanie tatarskogo naseleniia Respubliki Marii El (na materiale sotsiologicheskogo issledovaniia)» [Religious Consciousness of the Tatar Population of Marii El Republic (a Sociological Survey)], in *Galiaskar Kamal: 125 let so dnia rozhdeniia i 125 let v noveishei istorii kul'tury i iskusstva tiurkomusul'manskikh narodov Rossii. Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*. Moscow.

Shigaev, D. (1971) *Islam ran'she i teper'* [Islam Before and Now (in Bashkir)]. Ufa.

Shteingart, R. (2 November 1988) «K ateizmu po-novomu» [Toward a New Type of Atheism], *Vecherniaia Ufa*.

Valitov, O. K. (ed.) (1976) *Ateisticheskoe vospitanie v sovremennykh usloviiakh* [Atheistic Education in Current Conditions]. Ufa.